

БОЛЬШОЙ МАСТЕР, БОЛЬШОЙ ПЕДАГОГ

Советская Эстония
Г. Таллин

Менее десяти дней отделяет нас от знаменательной даты в культурной жизни республики: Таллинская консерватория отмечает свое пятидесятилетие.

Почти сорок лет проработал в этом высшем музыкальном заведении Эстонии народный артист ЭССР, профессор Александр Ардер, которому сегодня, будь он жив, исполнилось бы 75.

Блистательный артист, А. Ардер недолго был на сцене оперного театра — всего восемь сезонов. Но за это время прославился, как один из лучших исполнителей партий Борис («Борис Годунов» Мусоргского), Олава («Викерши» Э. Аава), Игоря («Князь Игорь» Бородин), Фигаро («Севильский цирюльник» Россини)... Несколько десятков оперных партий, великое множество камерных произведений на репертуарном шите артиста Александра Ардера.

Но не менее блестящ его педагогический шит.
— Я ухожу из театра один, а вернусь сюда с целой гвардией. — сказал А. Ардер, посвящая себя педагогической работе в консерватории.

Так оно и было. Сегодня нельзя говорить об эстонском профессиональном оперном театре, не вспомнив добрым словом замечательного педагога, воспитавшего целую плеяду певцов. Тийт Куузик и Эльза Маазик, Отт Раукас и Марта Рунги, Ааро Пярн и Айно Кюльванд, Хенн Пай и Галина Кулькина, Хендрик Крумм и Александр Пюви... Многие, очень многие имена учеников профессора Ардера составляют гордость эстонской оперной сцены. Это ли не гвардия!

Отдавая дань уважения и признательности народному артисту ЭССР Александру Ардеру, мы публикуем сегодня страничку из воспоминаний о нем пианистки-концертмейстера Таллинской консерватории, дипломанта Всесоюзного конкурса вокалистов имени Глинки Фриды Бернштейн.

МНЕ ВЫПАЛО счастье 15 лет проработать под руководством профессора Александра Ардера, замечательного педагога и артиста, большой души человека. Уроки жизни, педагогического мастерства, вокальной чуткости, удивительной человечности и мудрости, уроки мужества и неиссякаемого оптимизма, преподанные этим художником и человеком, всегда будут для меня (да и для всех нас, учеников Александра Карповича) примером для подражания.

В классе, на занятиях у Ардера, как правило, присутствовало много народу — учеников и гостей. Но бывали и длинные «интимные» уроки, когда профессор оставался один на один с учеником. Тут всегда царил атмосфера благожелательства, дружелюбия, внимания к работе будущего певца. Профессор хотел, чтобы урок пения, музыки был радостным, праздничным. Он любил, чтобы горел полный свет, любил после длительных и трудных упражнений с учениками усесться на свое место «в партере» и провозгласить: «А теперь «concerto grosso» — большой концерт, час музыки.

И ученики, и мы, аккомпаниато-

ры, старались как можно лучше провести урок. Почти ко всем своим ученикам А. Ардер относился, как к своим детям, они были «срод» и «lifred», а сам мастер — «сари» для всех. К нему приходили со всеми заботами, огорчениями, радостями — и домашними, и учебными, и театральными. Ардер это знал, все понимал и старался помочь: дать совет, объяснить, а то и просто сослужить деньгами.

С ПЕРВЫХ дней знакомства с учеником и во все время последующих занятий профессор Ардер стремился раскопать «свой», неповторимый голос ученика, понять его человеческую сущность. Он умел найти в своих воспитанниках самое благородное, самое лучшее и взлелеять эти добрые ростки.

Для воспитания артиста-певца недостаточно хороших профессиональных данных — таково было мнение Александра Ардера. Он считал, что пение — результат сложного внутреннего психофизиологического и физического процесса. Шаг за шагом учил профессор своих питомцев овладению элементами голосообразования. Но

ведь будущему актеру нужны и неподдельная искренность, и яркое, образное мышление, и темперамент, и заразительность. Все эти качества с огромным терпением пестовал учитель в своих учениках.

Помню, как приходили на прослушивание новички, иногда совсем юные, смущающиеся и «закрытые». Никогда мастер не начинал с упражнений, проверки диапазона голоса. Он ласково и просто разговаривал с пришедшими, стремился что-то узнать о человеке, о его интересах и привязанностях. Если в классе были ученики, то Ардер просил их спеть, добивался в присутствии новичков искренней, жизненно правдивой интерпретации произведений, а потом предлагал и вновь пришедшему спеть, что-нибудь. Как Ардер радовался, если молодой певец выразительно и сердечно передавал мысли и чувства, заложенные в исполляемом произведении!

Формального, ничего не выражающего пения Ардер не мог терпеть. Начиная с самых первых часов общения с учеником он в каждом упражнении стремился добиться раскрытия какой-либо психологической задачи. Если душа и голос поющего были «закрыты», то у профессора всегда находилось время, чтобы с помощью доступных примеров, ассоциаций «накликнуть» певца, заставить звучать в нем те душевные струны, которые приводили в действие невещный аппарат, «настраивали» его. И когда на наших глазах происходило это чудо — мастер откровенно радовался. Почувствовать человека, открыть в нем что-то новое, хорошее было для него самой большой наградой за труд.

У АРДЕРА был свой метод вести занятия. Обладая, если так можно выразиться, абсолютным вокальным слухом, профессор отлично «видел» все ошибки ученика. Но, поправляя поющего, редко употреблял вокально-технические термины, зато всегда находил жизненный образ, аналогию, ассоциацию, случай, чтобы в самом

образно-эмоциональном строе исполняемого произведения найти ту пружину, которая помогла бы исправить ошибку. Апеллируя к фантазии, к эмоциональной памяти ученика, Александр Карпович помогал ему активно жить в произведении. Это он считал самым важным.

Никогда не забыть мне и уроков, где Ардер работал с учениками над своими любимыми произведениями: каватинной Алеко из оперы Рахманишова, арией Ренато из «Бала-маскарада» Верди, ариями Марфы из «Царской невесты» Римского-Корсакова, «По лесной дороге» А. Каппа, романсами Глики, Шуберта, Саара... Интенсивность, выразительная сила творчества Ардера поражала, заражала всех.

Но с не меньшим увлечением и наслаждением профессор работал и над новыми произведениями. Первой исполнительницей цикла А. Гаршикеа на стихи Есенина была студентка Ардера Галина Кулькина. Вдохновенно трудился учитель! Он принесил в класс то цикл Шостаковича, то «Песни странствующего подмастерья» Малера... Все это были новые для исполнителей и их руководителя произведения. Александр Карпович некоторое время вслушивался, вживался в них. Только проникшись духом произведения, профессор начинал над ним работу, которая захватывала учеников с каждым днем все больше.

Профессор Ардер умел в каждом произведении схватить самое главное, подчеркнуть его и выявить. Он мог простить поющему отдельные, менее существенные погрешности, если главное было ярко, звучало убедительно и правдиво. Ардер требовал:

— Говори правду — таков завет Шаляпина. Нельзя притворяться, нельзя обманывать народ, которому ты поешь, которому ты служишь своим искусством.

У него самого было идеальное чувство правды. Если учитель замечал фальшь, он останавливал ученика немедленно. А когда на уроке царил атмосфера творчест-

ва, когда начинали трепетать живые человеческие мысли и чувства, мастер восклицал:

— Дальше, bravo, красиво!

И захваченный пением, профессор мог заплакать слезами радости и благодарности за только что пережитое, за только что достигнутое: ученик еще на одну ступеньку поднялся к высотам искусства.

Профессор тонко чувствовал красоту родной земли. Его память хранила образы природы во всей их яркости. Одушевленные человеческим переживанием звуки, краски, движение в природе профессор тонко умел услышать в музыке и поэтически раскрыть перед учеником.

Нередко профессор Ардер рассказывал нам о виденном, слышанном, пережитом. Он обладал юношески образной памятью. Вспомнил своих педагогов, различные постановки опер, прославленных и ныне менее известных артистов, режиссеров, дирижеров. «Аида» в Англии. Итальянские «Аиды». В одной из них (спектакль на открытом воздухе) выделялась музыкальностью, четкостью фразировки исполнительница заглавной партии. Ардер говорил: «У дирижера одна рука была специально для Аиды, другая — для всех остальных». Тенор Дмитрий Смирнов. Знаменитые русские певцы и режиссеры в Рижской опере, в Таллине. Баттистини. «Золото в тембре голоса» — нечасто встречающаяся, но воспоминаниям Александра Ардера, краска голоса. Но он отмечал такое звучание у Джильи, у русского баса Адама Цесевича, у Бенно Хансена. Шаляпин — самый высокий идеал певца для профессора Ардера. В опере он слышал его только однажды. Это было в Риге, куда Федор Иванович приезжал петь Бориса Годунова. Но так свежи были впечатления у Александра Ардера, что мы заслушивались его рассказами.

К сожалению, я не слышала профессора Ардера-певца в период расцвета его вокального таланта. Грампластинки сохранили для потом-

ства только небольшое из его репертуара. Но и по этим записям можно представить себе высокое вокальное мастерство, выразительность голоса и силу воздействия замечательного художника. Слушая пластинки его, лучше понимаешь, чему хотел научить своих питомцев профессор Ардер.

Н ОЯБРЬСКИМ утром 1959 года мне позвонил Уно Креен и прерывающимся от волнения голосом сказал, что рарі парализован, что он потерял дар речи. Невозможно было в это поверить.

Мы, словно осиротевшие, жили известиями о состоянии здоровья профессора. Какие-то отдельные симптомы и всем известная сила духа maestro внушали нам надежду. Чем мы могли помочь старшему другу и учителю? Конечно, успехами в том деле, которому он нас учил. И мы работали.

Как раз тогда в Таллинскую консерваторию пришло письмо из Миннистерства культуры СССР с предложением подготовить группу студентов для прослушивания к предстоящему в рамках фестиваля «Пражская весна» конкурсу вокалистов. Среди выделенных кафедрой пяти студентов был и ученик Ардера второкурник Хендрик Крумм. Предстояло освоить сложную и очень разнообразную программу. Мы с Хендриком решили сделать все от нас зависящее, чтобы хорошо приготовить ее. Верили, что наш учитель придет и даст свою оценку выученному, даже если сам и не сумеет еще работать в полную силу. Жизнь подтвердила наши предположения. (Первое выступление Крумм в Москве было подлинной удачей и обратило на себя внимание членов высококомпетентного жюри).

Александр Карпович страстно жаждал выздоровления, возвращения в строй. Никакой пассивности. Очень рано начал разрабатывать руки, пальцы, старательно учился говорить, как ни тяжело это ему было. Мы часто навещали profes-

сора. Рассказывали обо всем, но главное — о нашей работе, о том, что мы ждем его. Наверное, и это помогало учителю бороться с болезнью и слабостью. К новому, 1960 году он был уже дома. Мы знали, что скоро врачи разрешат ему зайти в консерваторию.

Какой радостной была подготовка к встрече профессора в его классе! На столе и рояле — цветы, на стене — любимый портрет Шаляпина. Мы так тщательно готовились, что пропустили момент, когда рарі в сопровождении Марты Рунги пришел в консерваторию, опередившая нас Урве Тауте прибежала наверх сказать, что он уже здесь. Это был наш общий праздник. А может быть, даже наша общая победа...

Здоровье позволило профессору Ардеру подарить нам еще чуть больше двух лет замечательной, интереснейшей работы.

Последний день, который профессор Ардер провел в стенах консерватории, — суббота 17 марта 1962 года. С огромным трудом, словно преодолевая какое-то сопротивление, поднимался рарі на каждую ступеньку лестничного марша, ведущего в класс...

И все же он был с нами еще четыре с лишним года. Хотя в консерваторию ходить не мог. Были дни мучительных волнений за жизнь профессора Ардера, но он умел выходить победителем в битве со смертью. Здесь он был «полководцем», а не она, как в известном произведении Мусоргского. Мы тоже тянулись, стремились сделать все, на что способны. Ведь главное было с нами: радость творчества, радость общения с большим, красивым человеком.

Его нет больше с нами. Но он с нами. Ибо его творческие наставления, его человеческие убеждения живут в нас.

Ф. БЕРНШТЕЙН.